

**ПРОБЛЕМА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ
В СЕМИОТИКЕ И ФИЛОЛОГИИ**

Irina CIOCI, *drd., specialitatea Lingvistică generală;
filosofia limbajului; psiholingvistică; lingvistică informatizată (Limba rusă)
Universitatea de Stat „Alec Russo” din Bălți*

Coordonator științific: Elena SIROTA, *dr., conf. univ*

***Abstract.** The article deals with the problem of the functioning of phraseological units in semiotics and philology. The definitions of such concepts as phraseological units, proverbs and sayings are given. Various linguistic points of view on these units are provided; narrow and wide approaches to the consideration of definitions and their differential features are explored; the peculiarity of studying phraseology is revealed. The axiological aspect of the study of phraseology is extremely important. It is mentioned that some researchers single out one of the main cognitive postulates of iconicity, which is revealed in the reflection of the national-cultural mentality when using anthroponymic phraseological units.*

***Key words:** idioms, proverbs, sayings, functioning, iconic sign, image.*

В метаязыке разных наук могут быть инвариантные концепты. Одним из примеров может служить такое понятие, как фразеология или фразеологизмы.

В семиотике понятие фразеологизм, «иконический знак» или «иконичность» – это разновидность семиотического знака. Впервые термин «icon» был предложен и разработан американским философом и логиком Ч.С. Пирсом в начале XX века (другими элементами в его интерпретации данной трихотомии являются «знак-индекс» и «знак-символ»). Определение иконического знака, данное Пирсом, до недавних пор не подвергалось каким-либо модификациям, однако в последние десятилетия в связи с критикой лингвоцентризма структуралистской семиотики и поиском адекватных моделей интерпретации визуальных феноменов оно подверглось существенному пересмотру. Так, с точки зрения Пирса, иконический знак – это знак, который «обладает рядом свойств, присущих обозначаемому им объекту, независимо от того, существует этот объект в действительности или нет». Отношения между знаком и объектом – это отношения подобия; знак оказывается знаком просто в силу того, что ему «случилось быть похожим» на свой объект. Пирс выделял несколько разновидностей иконического знака:

- **образы** (или изображения; в данном случае означающее представляет «простые качества» означаемого): фотографии, скульптура, живопись, но также и ощущения, вызываемые музыкальными произведениями (например, “Полет шмеля” или “Море” Дебюсси);
- **метафоры** (в системе метафорических знаков кодификация производится по принципу параллелизма между знаком и объектом), этот подкласс активно задействован в театральной практике и литературе;
- **диаграммы, схемы, чертежи** и другие виды «нефигуративных» изображений, которые Пирс называл «логическими иконическими знаками» (этому виду иконических знаков не обязательно иметь чувственное сходство с объектом, достаточно аналогии между отношениями частей в самом объекте и в его знаке (этой группой иконических знаков активно пользуется математика). Пирс определяет диаграмму как «репрезентатив, являющийся по преимуществу иконическим знаком отношения, стать каковым ему способствует условность». Примером подобного иконического знака, отражающего отношения частей означаемого, могут служить прямоугольники разных размеров, которые выражают количественное сравнение производства стали в разных странах. В таких типичных диаграммах, как статистические кривые, означающее представляет собой изобразительную аналогию с означаемым в том, что касается отношения частей. Если же при этом в хронологической диаграмме относительный прирост населения обозначен пунктирной линией, а смертность – сплошной, то это, в терминах Пирса, «символические характеристики». Пирс считает, что диаграммы – это «истинно иконические знаки, естественно аналогичные обозначаемому предмету». [8]

Парадоксальность иконического знака \ фразеологизма состоит в том, что в некоторых случаях мы забываем о том, что изображаемое и изображение суть не одно и то же (то есть различие между реальностью и копией стирается, хотя бы на время): в конечном счете, вся история магических и религиозных практик основана на “забывании” этого различия (протыкание иголкой портрета некоего человека предполагает нанесение живому конкретному человеку физического вреда), равно, как и эффективность современных аудиовизуальных средств коммуникации (телевизионная репрезентация того или иного человека воспринимается не как знак, но как сам этот человек). Понятие фразеологизмов в концепции Пирса соотносится с понятием иконическая – это знаки, не требующие интерпретации, напрямую соотносящиеся с означаемым (сапог на вывеске обувного магазина и подобные). [8, с. 11]

Александр Жолковский в своей работе «Отдельность, границы, разреженность, цельность. Заметки об иконике стиха» говорит о том, что иконическими в семиотике называются знаки, в которых означающее похоже на означаемое. Например, нарисованная стрела показывает направление, римские цифры I, II, III означает числа, силуэты в брюках – в юбке маркирует различие мужчина-женщина. [5, с. 217-224]

Особый интерес вызывает у нас функционирование понятия фразеологизмы в **филологии**.

В лексике русского языка существуют не только отдельные слова, обозначающие реалии окружающей нас действительности, но и спаянные словосочетания, которые называют фразеологизмами. Они являются такими же самостоятельными языковыми единицами, как и слова. Фразеологизмы состоят не менее чем из двух слов, которые обозначают нечто единое по смыслу.

Таким образом, к фразеологизмам можно отнести пословицы, представляющие собой целостные предложения (например, *Вот тебе, бабушка, и Юрьев день*), и поговорки, являющиеся фрагментами предложений (*поживем – увидим*). Фразеологизмы представляют собой речевые клише, близкие по образности и афористичности крылатым словам, однако, в отличие от последних, являются анонимными изречениями.

Но если фразеологизм-это понятие, объединяющее такие видовые понятия, как «пословица», «поговорка» и «притча», значит, у этих трех единиц должны быть инвариантные признаки, преобладающие над релевантными различиями. На самом деле, приходится признать, что притча может быть объединена с пословицами и поговорками в один ряд только на том основании, что все три единицы в плане содержания и только так имеют общность – все они носят морализаторский характер, называют те нравственные ориентиры, которые образуют аксиологическую парадигму общества. Но в плане формы различия этих единиц очевидны. Так, **пословица** – это малая форма народного поэтического творчества, облеченная в краткое, ритмизованное изречение, несущее обобщенную мысль, вывод, иносказание с дидактическим уклоном; **поговорка** – это из простейших поэтических произведений, каковы басня или пословица, могут выделиться и самостоятельно перейти в живую речь, элементы в которых сгущают их содержание; это – не отвлеченная формула идеи произведения, но образный намёк на неё, взятый из самого произведения и служащий его заместителем (напр., «свинья под дубом», или «собака на сене», или «он выносит сор из избы»).

По определению В. Даля, поговорка - это «складная короткая речь, ходячая в народе, но не составляющая полной пословицы». Эта дефиниция подчеркивает особый дифференциальный признак поговорки: это «ходячее» выражение, недоразвившееся до полной пословицы, новый образ, замещающий обычное слово (напр. «лыку не вяжет» вместо «пьян», «пороха не выдумал» вместо «дурак»). Пословицы здесь нет,

как нет ещё произведения искусства в эмблеме, имеющей лишь одно раз навсегда данное значение.

Поговорка, в отличие от пословицы, не содержит обобщающий поучительный смысл.

Притча – это малый поучительный рассказ в дидактико-аллегоричном литературном жанре, заключающий в себе моральное или религиозное поучение (премудрость).

Пословицы и поговорки – это единицы микротаксиса. Обычно они в терминологическом плане употребляются как единая единица метаязыка филологии. Это вызвано тем, что между пословицами и поговорками много общего, и не только в русском языке. Однако эти термины необходимо дифференцировать. В.И. Даль дает представление о сути термина пословица, раскрывая его в Толковом словаре «Живого великорусского языка»: "Пословица – краткое изречение, поучение, более в виде притчи, иносказания или в виде житейского приговора; пословица есть особь языка, народной речи, не сочиняется, а рождается сама; это ходячий ум народа; она переходит в поговорку или простой оборот речи"[1]. В данном определении В.И. Даль делает акцент не только на том, что это "поученье", но и на том, что пословица представляет собой "иносказание в виде житейского приговора" и отмечает взаимосвязь пословицы и поговорки.

А.А. Потебня изречениям с переносным значением отводил роль основы, центра пословичной системы. Наличие конкретного образа – необходимое условие возможности употребления подобных изречений в виде "алгебраических формул". Однако, в широком смысле ученый признавал возможным назвать пословицей и изречение, не содержащее отсылки к образной ситуации, но при этом считает подобные выражения заслуживающими меньшего внимания. По мнению А.А. Потебни, важно при этом сочетание двух условий: изречение должно быть образным по форме и обобщающим по сути. Конкретный образ легче воспринимается сознанием, легче осмысливается и запоминается, потому что в работу включается не только логическая, но и эмоциональная сторона сознания [7, с. 105]. Таким образом, филологи XIX века определяли пословицу как понятие, включающее в себя признаки обобщенности, образности, логической сложности, дидактичности и общеизвестности.

В современной филологии существование нескольких интерпретаций понятий не отличается определенностью взглядов на «пословицы» и «поговорки». Так, литературоведы проводят разграничение пословиц и поговорок в их логико-синтаксической и прагматической характеристике [10, с. 272]. Подобное мнение высказывает О.С. Ахманова, определяя пословицу как "образное законченное изречение, имеющее назидательный смысл и обычно специфическое ритмофонетическое оформление", а поговорка – "образное, иносказательное выражение, отличающееся от пословицы своей синтаксической незаконченностью" [10, с. 341, 328].

По мнению Е. В. Сироты, есть все основания, по крайней мере поговорки, не выводить за рамки фразеологических единиц, так как они обладают теми же дифференциальными признаками, что и идиомы. Так, сопоставляя выражения – «съесть собаку» и «собака на сене», мы убеждаемся, что данные фразеологизмы обладают инвариантными дифференциальными признаками. Во-первых, они характеризуются семантической слитностью – общий смысл выражений невозможно вывести из суммы значений, составляющих их компонентов. Во-вторых, оба выражения характеризуются синтаксической цельностью, их нельзя рассматривать с точки зрения синтаксической позиции как реализацию моделей $V\bar{f}in + N4$ или $N1 + Pr. + N6$. В-третьих, обе единицы языка не допускают перестановки компонентов. В-четвертых, и в

первом и во втором случае невозможно развертывание новых моделей путем вставки новых компонентов «съесть жирную собаку», «собака на свежем сене» [9, с. 92].

Таким образом, сопоставительный анализ позволяет сделать вывод, что поговорки, возникнув на базе пословиц, переходят в разряд фразеологических единиц русского языка, и, как нам кажется, только пословицы могут рассматриваться как особый вид коммуникатов, и только пословицы следует включать в особый класс единиц, называемых иконической паремией.

Как отмечает А.Н. Савченко, "образность есть стремление речи к сохранению наглядности восприятия, а восприятие всегда вызывает не только мысль, но и чувство". [11, с. 6] Можно наблюдать и обратное: на основе восприятия всего поэтического произведения или реальной жизненной ситуации человек извлекает их рациональную сущность. Образное мышление легко пользуется аналогиями и соединяет одну сферу с другой.

В статье «Антропонимическая паремия как иконический знак и культурологический признак» Г. Молчанова говорит о буквальном значении паремий и об иконическом, т. е. образном. Автор исследования, характеризуя фразеологические единицы, подчеркивает их двуплановость. [4, с. 86] Но этот признак не является релевантным, характерным именно для таких единиц, ведь на всех ярусах языковой системы каждая единица характеризуется соотношением плана формы и содержания. Исключение составляют единицы фонемного яруса языка. И, к сожалению, это утверждение Г. Молчановой не корректно еще и потому, что в сознании рядовых носителей языка «буквальная» семантика таких паремических единиц не осознается. Зачастую происходит полная десемантизация их содержания. Например, поговорка «Куда Фома, туда Ерема» означает повторение чьих-либо действий. Но при этом никакой картины движения лиц по имени Фома и Ерема в нашем сознании не возникает, в отличие от притчи, в рамках которой абсолютно все компоненты дискурса сохраняют свое лексическое значение, а мораль может быть имплицитной или эксплицитной, но в любом случае она возникает на основе семантики компонентов текста.

Традиционно в лингвистической науке под фразеологией понимают самостоятельную дисциплину, всесторонне изучающую сущностные свойства специфических единиц языка (фразеологических единиц), а также совокупность данных единиц, образующих фразеологический корпус языка.

Современное состояние фразеологии как лингвистической дисциплины формировалось на протяжении длительного времени, зарождаясь в трудах ученых-языковедов XVIII-XIX вв. и первой половины XX столетия (М.В. Ломоносова, И.И. Срезневского, А.А. Потемни, И.А. Бодуэна де Куртенэ, Ф.Ф. Фортунатова, А.А. Шахматова). «Классическим» периодом в истории развития фразеологии являются 40-60-е годы XX столетия – время выхода в свет работ Ш. Балли, В.В. Виноградова, Б.А. Ларина и др. Большой вклад в развитие отечественной фразеологии также внесли такие выдающиеся ученые, как А.М. Бабкин, А.В. Кунин, В.Л. Архангельский, Л.И. Ройзензон, Н.М. Шанский и многие другие.

Разноаспектное исследование фразеологического состава делает возможным появление работ обобщающего характера, в которых авторы осмысливают фразеологию как лингвистическую дисциплину, дают последовательное и цельное представление о структуре данной подсистемы языка. К ним можно отнести исследования В.Л. Архангельского, В.П. Жукова, В.И. Кодухова, Н.М. Шанского и др.

Так, особенностью изучения фразеологии является неравномерность описания отдельных ее частей (в большей степени описана лексическая фразеология, в мень-

шей – синтаксическая, еще меньше – морфологическая). Вопрос об объеме и границах фразеологии решался по пути обоснования узкого и широкого подходов. Здесь намечилось два направления. В первом случае узкое и широкое понимание фразеологии применяется исключительно к лексическим фразеологическим единицам (далее ЛФЕ). При узком понимании к ФЕ относятся единицы, обладающие признаком идиоматичности (фразеологические сращения и фразеологические единства) или предполагающие наличие хотя бы одного переосмысленного компонента в составе ФЕ (фразеологические сращения, фразеологические единства и фразеологические сочетания). Другая концепция, определяющая «узкое» понимание фразеологии, основывается на наличии у ФЕ признака семантической слитности компонентов и называется семантической. На этих позициях стояли В.В.Виноградов, В.П.Жуков и другие.

При широком подходе к фразеологии относят и фразеологические выражения. «Широкой» является и концепция, основанная на признаке воспроизводимости ФЕ. Ее представители, Ростислав Николаевич Попов, Николай Максимович Шанский и другие, рассматривают в качестве ФЕ любое устойчивое и воспроизводимое в речи как единое целое сочетание слов. «Во фразеологии изучаются как устойчивые сочетания слов, семантически эквивалентные слову, так и устойчивые сочетания слов, в семантическом и структурном отношении представляющие собой предложения, то есть все воспроизводимые единицы без исключения. Отнесение образований к фразеологическим явлениям обуславливается не тем, номинативные это единицы или коммуникативные, а тем, извлекаются ли они из памяти целиком или творятся в процессе общения». [2, с. 3] Таким образом, «фразеологизмы предстают перед нами как устойчивые сочетания, воспроизводимые и, значит, готовые единицы языка, существующие в виде целостных по своему значению и устойчивых в своем составе и структуре образований». [2, с. 173] Сторонником широкого понимания фразеологии был и В.Л. Архангельский, считавший фразеологией «тот раздел языкознания, который изучает связанные, или устойчивые, синтагмы в форме словосочетания и предложения». [3, с. 57]

Языковые единицы, относящиеся к фразеологической системе языка, неоднородны по своему составу, так как фразеологизации могут подвергаться единицы практически любого языкового уровня (за исключением фонетического). Таким образом, узкое и широкое понимание фразеологии может применяться и к единицам разных уровней языка: узкое – по отношению к номинативным единицам (ЛФЕ), широкое – охватывает номинативные и коммуникативные единицы языка (ЛФЕ, синтаксические фразеологизмы (далее СФЕ) и даже морфологические фразеологизмы (далее МФЕ).

Так, М. А. Черкасский, употребляя термин «фразеологизм», относит к ним пословицы и поговорки как фразеологизмы, обладающие образной мотивировкой значения, и афоризмы (в узком смысле), то есть фразеологизмы, обладающие прямой мотивировкой значения. Фразеологизм им определяется «как минимальная единица надъязыкового семиотического яруса, обладающая свойствами клишированности, афористичности и сентенциозности». [6, с. 33] Понятие семиотического надъязыкового яруса означает, что план содержания фразеологизма ("означаемое") не соответствует плану выражения, лингвистической реализации их семиотической сущности. [12]

При этом обращается внимание на структуру фразеологизмов, на характер ономастики (раздел лингвистики, изучающий собственные имена, историю их возникновения и преобразования в результате длительного употребления в языке-источнике или в связи с заимствованием у других языков общения. В более узком смысле ономастика – собственные имена различных типов (ономастическая лексика), на таксономический аспект.

Интересно сравнить и с другими языками. Сопоставительная фразеология в последнее время становится одним из наиболее интересных аспектов изучения фразеологии, по сути, экспериментальной научной дисциплиной, направленной на исследование идеолингвальных констант человеческого мышления при явном несходстве и даже противоречивости психо/социо/культурных параметров.

Хотя в современной лингвистической науке нет однозначной дефиниции фразеологизма, обобщенно его определяют как устойчивое в языке и воспроизводимое в речи анонимное изречение дидактического характера, включающее в себя пословицы, поговорки и идиоматические выражения.

Так, пословица в статье Г. Молчановой «Антропонимическая паремия как иконический знак и культурологический признак» понимается как художественный микротекст/дискурс и одновременно языковой знак иконического типа. Функционально она соотносится с определенным фактом бытия, подвергает его расширительной образной интерпретации, дает экспрессивную оценку и выражает культурно-национальное своеобразие народа. [4, с. 89]

Выявление особенностей национальной истории и быта, наблюдений и обобщений, сделанных разыми народами и запечатленных в языке в форме пословиц и поговорок, мы исследуем посредством сопоставительного анализа русских и английских пословиц и поговорок с применением лингвострановедческого комментария.

Лингвострановедческий комментарий раскрывает национальные особенности восприятия внеязыкового факта, восполняет недостающие фоновые знания, необходимые для понимания незнакомых реалий, а также выявляет специфически национальные, культурно-бытовые или иные коннотации.

Так, например, опираясь на русскую пословицу «Жизнь прожить – не поле перейти» и английский эквивалент «Long life has many miseries», можно выявить те социокультурные моменты, которые важны для познания иной культуры. Отметим, что русские пословицы «Больше жить – больше грешить», а также «Меньше жить – меньше грешить» содержат культурологически – ценный именно для русской ментальности компонент «греховности» или «греха», что является не типичным для ментальности носителей других языков. Интересно и таксономическое исследование характера фразеологии с точки зрения представителей разных религиозных конфессий. Также, интересно заметить, что ситуация с использованием этих исключительно ярких, выразительных экспрессивных единиц языка в разных языках неодинакова. Наибольшее значение пословицы имеют в русском языке, в котором не только существует и реально функционирует огромное количество пословиц на все случаи жизни, но и применяются они по сей день всеми слоями социума, и иногда – с раннего детства.

Во многих странах запада культивируется индивидуализм, и эта аксиологическая ценность стала основой поведения человека в социуме и основой моральной парадигмы общества. На этом понятии базируется вся протестантская культура. Православие, в отличие от протестантской религии, ориентирует на соборность, на осознание себя частью общества. Этим и объясняются выражения: «один в поле не воин»; «На миру и смерть красна»; «С миру по нитке-бедному рубаха» и другие.

В русском языке только одно выражение «На Бога надейся, а сам не плошай» выглядит явным исключением. Не случайно в русском языке вообще нет эквивалента английского выражения «Человек, который создал себя сам». Именно поэтому оказывается очень важным выяснить не только структуру единиц фразеологии, но и их роль в выражении национальной ментальности народа, а изучение особенностей

функционирования фразеологических единиц в литературном дискурсе позволит выявить их роль в реализации авторских интенций (задача автора).

Исследователи отмечают, что «интенсивность взаимоотношений у русских кажется людям с Запада и забавной, и утомительной. Русские ищут не партнера по разговору, а родственную душу, которой можно раскрыть сердце, поделиться своими несчастьями, облегчить боль переживания. Русские ищут друг от друга полной преданности», «нравственного сочувствия и деятельной помощи». Такая степень нравственного сопереживания и высокая норма искренности требуют прямого обращения к личности партнера, выражения своего личного к нему отношения, обращения по личному имени, что и находит так часто воплощение в русских народных пословицах – иконических знаках типовой ситуации.

Антон Павлович Чехов не раз повторял, что нет национальной науки, нет английской, русской или китайской таблицы умножения, и только язык и искусство национально. Из этих слов следует, что только язык и искусство национальны в той степени, в какой они отражают особенности психологии народа. Именно поэтому чрезвычайно важен аксиологический аспект изучения фразеологии.

Отдельные исследователи отмечают то, что один из основных когнитивных постулатов об иконичности находит свое проявление в отражении национально-культурной ментальности при употреблении антропонимических фразеологизмов.

Таким образом, говоря об инвариантном использовании концепта «фразеологизм» в рамках религиозной модели мира, семиотике и филологии, необходимо подчеркнуть и те отличия в интерпретации понятия, которые проявляются в системе метаязыка разных наук.

Библиография:

1. ДАЛЬ, В.И., *Толковый словарь живого великорусского языка (современное написание слов) 1863-1866*, Изд. "Цитадель", г. Москва, 1998 г.
2. ШАНСКИЙ, Н. М., *Фразеология современного русского языка*, Изд. 4-е, испр. и доп., СПб, 1996. С. 35.
3. АРХАНГЕЛЬСКИЙ, В.Л., *Устойчивые фразы в современном русском языке*, Ростов – на Дону, 1964.
4. МОЛЧАНОВА, Г. Г., *Антропонимическая паремия как иконический знак и культурологический признак*, Вестник Московского университета. Сер. 19, Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2004, N 4. - С. 86-96.
5. ЖОЛКОВСКИЙ, А., *Отдельность, граница, разреженность, цельность. Заметки об иконике стиха*, "Звезда", №12, 2010, с. 217-224.
6. ЧЕРКАССКИЙ, М.А., *Опыт построения функциональной модели одной частной семиотической системы (пословицы и афоризмы)*, Паремнологический сборник, М., 1978. С. 33-52.
7. ПОТЕБНЯ, А. А., *Из лекций по теории словесности. Басня. Пословица. Поговорка*, Теоретическая поэтика, М., 1990. С. 105.
8. ПИРС, Ч.С., *Логика как семиотика: теория знаков*, Метафизические исследования. Вып. 11. Язык, СПб, 1999.
9. СИРОТА, Е. В., *Особенности функционирования иконической паремии в художественном дискурсе*, Русистика и современность. Ч. 1, СПб, 2018.
10. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова, М., Советская Энциклопедия, 1968
11. Общее языкознание (совместно с В. В. Иоффе). – Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского университета, 1985.

12. ЧЕРКАССКИЙ, М.А., / *Большая советская энциклопедия*, М.: Советская энциклопедия, 1969-1978.